

Таня Сецко

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ КАК ЗНАК ЭПОХИ: РАССМАТРИВАЯ СЕРИЮ ФОТОГРАФИЙ ВИТАЛИЯ БРУСИНСКОГО. ФОТО-ЭССЕ

Tanja Setsko

Female Sexuality as a Sign of the Epoch: Looking at the Series of Photographs by Vitali Brusinski

For a long time sexuality was not a part of public discussion in the USSR. This fact found its representation in the fields of art and culture – sexuality was silenced and censored. Perestroika brought not only political changes but also a sexual revolution. At the same time, female sexuality was still subjected to the patriarchal order. The article looks at the series of nudes by Vitali Brusinski from the gender perspective in order to explicate the tension between the liberation of sexuality and patriarchal culture.

Keywords: art, intimacy, female body and sexuality, late Soviet experience, male gaze, sexuality.

Обнаженное тело – это та граница, которая разделяет нас с миром. В силу «натуральности» и «естественности» оно неизменно становится полем политических игр. Биовласть дисциплинирует наши практики, регулирует поведение, производя понятия «нормального» и «аномального» для того или иного времени. Инкорпорированные же в нас правила и законы определяют рамки того, что мы любим называть «свободой самовыражения».

Серия снимков Виталия Брусинского представляет собой интересный срез конца 1980-х. Период на стыке эпох дает нам возможность увидеть то, что десятью годами ранее было немислимым, а позже, уже в 1990-х, стало практически новой «нормой». Работы, сделанные в минском «Доме фото», представляют собой обращение к жанру ню в той степени, в которой он был известен и понятен в местном пространстве. В интервью со мной автор замечает, что вдохновение в первую очередь давала прибалтийская школа фотографии,

а импульсом было желание творчества в рамках ежедневной фоторутин [1]. Надо сказать, подобные сессии являлись довольно типичными для своего времени. Что же дало возможность для подобных идей и их воплощений?

Понятие сексуальности менялось в зависимости от исторического периода. Отношение к нашему телу, его образ и границы дозволенного – все это обусловлено общественным порядком. Советская интимность трансформировалась в зависимости от политического курса и тех потребностей, которые выступали на первый план.

Двадцатые годы известны своим эмансипационным посылом. Общественные дискуссии о телесности и сексуальности превратились в одобрение свободных отношений, легализацию аборт и декриминализацию гомосексуальности. В это же время возникла пресловутая теория стакана воды (авторство приписывали то Александре Коллонтай, то Кларе Цеткин), что являлось свидетельством значительных изменений морали в стране пролетариев.

«Сталинский поворот» прервал процесс освобождения, переориентировав его на консервативные рельсы. Сексуальность кодировалась и скрывалась за песнями о «дружбе», которые заменяли поцелуи и любовные сцены в кинематографе.

«Оттепель» вернула советскому человеку право на новое измерение собственного тела. Тем не менее о сексуальности по-прежнему было не принято говорить, она проявлялась в лицемерном молчании или эвфемизмах: «отношения», «половое воспитание», «светлые чувства» (см., например: Здравомыслова, Темкина, 2004; Лебина, 2014, 2015). Все это находило свое отражение и на уровне визуальной культуры.

В позднесоветское время образы «буржуазной сексуальности» проникают через эротические журналы и западный кинематограф (от классических лент до банальной порнографии). Однако эффект их появления в значительной степени двойственен. Искажение происходит в тот момент, когда патриархальная и капиталистическая эксплуатация женского тела начинает восприниматься как освобождение от фальшивых требований советской морали. Попросту говоря, на сломе эпохи голое тело репрезентируется в качестве символа свободы (Немзер, 2014).

Некоторые модели Виталия Брусинского перед фотосессией заранее продумывали свои образы, а также точно представляли саму композицию работы: шляпка, брошенное пальто, полуоборот и т.п. Однако наиболее частым оказывается желание продемонстрировать меха – шубы, горжетки, что говорит о субъективном понимании их хозяйками понятия «шика» и финансового благополучия. Откровенность снимков сопрягается с угловатостью и некоторой неловкостью. Это может быть связано как с дискурсивной бедностью, так и с тем фактом, что коммуникация между фотографом и моделью происходит в рамках традиционной диспозиции власти. Взгляд здесь в полной мере принадлежит мужчине, который посредством объектива охватывает женское обнаженное тело.

Что же перед нами: исследование женщинами собственной сексуальности, типичное обращение к голой натуре или нечто иное? Ответить на этот вопрос практически невозможно, поскольку контакт с моделями утерян. Единственное, что имеется на сегодняшний день, – это мнение самого автора. Он же открывает нам и историю создания фотографий: «Какими-то непонятными сигналами, знаками мы находили друг друга. В определенный момент я начинал понимать, что можно выводить человека на разговор о съемке. Это была моя инициатива» [1]. Изначально девушки приходили в студию, чтобы сделать фото на паспорт, парню в армию или что-нибудь подобное, но затем возвращались позировать уже для художественных снимков совсем другого толка. Что двигало ими? Из интервью мы знаем о творческих интенциях Виталия Брусинского, однако это едва ли является основанием для того, чтобы лишать модели субъектности. Можно предположить, что мотивирующим моментом для девушек, которые соглашались на обнаженную фотосессию, все же был интерес к собственной телесности. Правда, язык тела, скованность, зажатость свидетельствуют о некоторой потерянности: западные «порно-штампы» еще не освоены и не прорисованы в культуре, а собственной, личной интонации нет ввиду советской деэротизации и патриархальных границ. Следовательно, даже если рассматривать обращение к ню как изучение себя, то необходимо отметить ограниченность и обусловленность этой возможности.

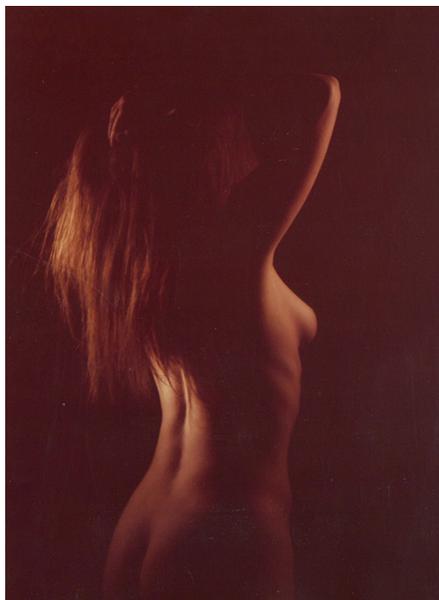
Так, выходя за рамки советской визуальной нормативности, мы попадаем в не менее предсказуемый и ограниченный мир эротической образности. Тело молчит. Женская сексуальность, несмотря на снятую одежду, по-прежнему остается в зоне невидимого и непроизносимого.

Литература

- Здравомыслова, Е., Тёмкина, А. От лицемерия к рационализации: дискурсивная трансформации в сфере сексуальных отношений // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 176–186.
- Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488с.
- Лебина, Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – Оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 206с.
- Немзер, А. Сексуальная революция 90-х. 23 мая 2014. COLTA.RU. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/90s/3309>

Источники

Интервью с Виталием Брусинским, проведено Татьяной Сецко 5 февраля 2017 г. в фотомастерской фотографа в Минске.

Виталий Брусинский (Минск/Беларусь) – фотограф, член Белорусского союза дизайнеров и белорусского творческого объединения «Фотоискусство». Участник множества групповых и индивидуальных выставок. Среди них – авторские фотопроекты «Женский вид», «Классический танец» (совместно с Н. Ковш), «Халат» и пр. Живет и работает в Минске.